

САРА БЕЙКВЕЛЛ

В КАФЕ
С ЭКЗИСТЕН-
ЦИАЛИСТАМИ

свобода, бытие
и абрикосовый
коктейль

С САРТРОМ, КАМЮ,
ДЕ БОВУАР, ХАЙДЕГГЕРОМ,
МЕРЛО-ПОНТИ И ДРУГИМИ

БОМБОРА

Думай как император

Сара Бейквелл

**В кафе с экзистенциалистами.
Свобода, бытие и
абрикосовый коктейль**

«ЭКСМО»

2016

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

Бейквелл С.

В кафе с экзистенциалистами. Свобода, бытие и абрикосовый
коктейль / С. Бейквелл — «Эксмо», 2016 — (Думай как
император)

ISBN 978-5-04-178172-9

Вторая мировая. Потрясенные ею молодые философы создали новый образ мышления — экзистенциализм. То была философия абрикосовых коктейлей и усталости, горных походов и любви, отвращения и мягких диванов — а значит, жизни. Ее основатели — Жан-Поль Сартр и Симона де Бовуар — отказались от условностей предшественников. Но известны ли нам другие имена? Эта книга не только расскажет вам историю возникновения экзистенциализма, но и познакомит вас с другими выдающимися последователями этого философского направления. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 1(091)

ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-04-178172-9

© Бейквелл С., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

4	5
1. Месье, какой ужас, экзистенциализм!	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сара Бейквелл
**В кафе с экзистенциалистами. Свобода,
бытие и абрикосовый коктейль**

Посвящается Джейн и Рейну

4

AT THE EXISTENTIALIST CAFÉ by Sarah Bakewell
Copyright © Sarah Bakewell 2016

Фото на обложке: © Heinz Perckhammer / GettyImages.ru

© Митрофанов И.В., перевод на русский язык, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

1. Месье, какой ужас, экзистенциализм!

Глава, в которой трое пьют абрикосовые коктейли, еще больше людей допоздна говорят о свободе и еще больше – меняют свою жизнь. Здесь нам также интересно, что такое экзистенциализм

Порой говорят, что экзистенциализм – это скорее настроение, чем философия, и что его можно проследить до страдальцев-романтиков XIX века и далее до пораженного тишиной бесконечных пространств Блеза Паскаля, затем до поисков души Святым Августином и в конце концов – до мрачного ветхозаветного Экклезиаста и Иова – человека, принужденного к покорности за то, что поставил под сомнение игру, которую Бог вел с ним. Короче говоря, это про всех, кто когда-либо чувствовал разочарование, протест или отчужденность по какому-либо поводу.

Но можно пойти другим путем и свести рождение современного экзистенциализма к моменту на рубеже 1932–1933 годов, когда трое молодых философов сидели в баре *Вес-de-Gaz* на улице Монпарнас в Париже, перебирая сплетни и попивая фирменный напиток заведения – абрикосовый коктейль.

Симона де Бовуар, которой тогда было двадцать пять лет, любила внимательным взглядом наблюдать за миром: позже она рассказала обо всем в мельчайших подробностях. Она посещала это кафе со своим парнем, Жан-Полем Сартром, сутулым двадцатисемилетним молодым человеком с опущенными кончиками губ, помятым лицом, выдающимися ушами и косоглазием – из-за тяжелой экзотропии его едва видящий правый глаз несколько выдавался наружу. Разговор с ним мог сбить с толку неподготовленного человека, но если заставить себя не обращать внимания на эти особенности, то неизменно обнаруживалось, что он смотрит на вас с умом и добротой – взглядом человека, которому интересно все, что вы можете ему рассказать.

Сартру и Бовуар действительно было интересно, ведь за одним столом с ними сидел еще один собеседник, которому было о чем поведать. Старый школьный друг Сартра, обходительный Раймон Арон, выпускник Высшей нормальной школы¹. Как и его спутники, Арон был в Париже на зимних каникулах. Но, в то время как Сартр и Бовуар преподавали во французских провинциях – Сартр в Гавре, а Бовуар – в Руане, – Арон учился в Берлине. Здесь же он рассказывал своим друзьям о популярном в Германии философском направлении с изящным названием «феноменология» – слово столь же длинное, сколь и элегантное: что во французском, что в английском оно само по себе может составить строку ямбического trimetra.

Арон рассказывал примерно следующее: если традиционные философы часто начинали с абстрактных аксиом или теорий, то немецкие феноменологи обращались к самой жизни, к каждому ее отдельному моменту. Они отбросили большую часть того, что поддерживало философию со времен Платона: загадки о том, реальны ли вещи или как мы можем знать о них что-то наверняка. Феноменологи указывали, что любой философ, задающий эти вопросы, уже брошен в мир вещей – или, по крайней мере, наполненный видимостями вещей, или «феноменами» (от греческого слова, означающего «то, что появляется»). Так почему бы не сосредоточиться на встрече с феноменами, игнорируя все остальное? Старые загадки не обязательно исключать навсегда, но их можно вынести за скобки и предоставить философам заниматься более насущными вопросами.

¹ Фр. *École normale supérieure* – одно из самых престижных высших учебных и научно-исследовательских заведений Франции. – *Прим. науч. ред.*

Ведущий мыслитель феноменологов Эдмунд Гуссерль дал боевой клич: «Назад к самим вещам!» Это означало: не тратьте время на связанные с вещами трактовки и особенно не тратьте время на размышления о том, реальны ли эти вещи. Просто посмотрите на то, что предстает перед вами, чем бы это ни было, и опишите это как можно точнее. Другой феноменолог, Мартин Хайдеггер, добавил еще один штрих. По его словам, философы на протяжении всей истории тратили время на второстепенные вопросы, забывая задать самый важный – вопрос о бытии. Что значит для вещи «быть»? Что значит сказать, что ты сам «есть»? Не задавшись этим вопросом, утверждал Хайдеггер, вы никогда ничего не добьетесь. И снова он рекомендовал феноменологический метод: отбросьте умственный мусор, обратите внимание на сами вещи и позвольте им раскрыться перед вами.

«Видишь ли, *mon petit camarade*, – сказал Арон Сартру – “мой юный друг”, так он называл его со школьных времен, – если ты феноменолог, ты можешь всмотреться в этот стакан с коктейлем и выжать философию из него!»

Бовуар отметила, что Сартр, услышав это, побледнел. Она слегка преувеличивала, говоря, что ни она, ни ее товарищи никогда прежде о феноменологии не слышали. На самом деле они пытались читать Хайдеггера. Перевод его лекции «Что такое метафизика?» появился в том же номере журнала *Bifur*, что и раннее эссе Сартра в 1931 году. Но, писала она, «поскольку мы не смогли понять из этой лекции ни слова, мы начисто потеряли интерес». Теперь стало понятно, к чему все это: Хайдеггер предложил способ заниматься философией, который воссоединял ее с обычным, живым опытом.

Молодые философы были вполне готовы отбросить старые установки. В школе и университете Сартр, де Бовуар и Арон, как и полагалось, выучились французской философии, основными вопросами которой были проблемы познания и бесконечное переосмысление работ Иммануила Канта. Эпистемологические вопросы вытекали один из другого, словно в калейдоскопе, неизменно возвращаясь к одной и той же точке: я думаю, что знаю что-то, но как я могу знать, что я знаю то, что я знаю? Они были более чем готовы к этому новому началу. Это было столь же трудоемко, сколь и бесполезно, и все трое – несмотря на отличные результаты на экзаменах – оставались неудовлетворены, особенно Сартр. После окончания университета он намекал, что вынашивает некую новую «разрушительную философию», но не уточнял, на что она будет похожа, поскольку и сам не имел об этом ни малейшего представления. Он вряд ли развил бы свои идеи в нечто большее, чем простое бунтарство. И тут оказалось, что кто-то другой уже заложил основы нового мировоззрения. В общем, если Сартр и покраснел при известии Арона о феноменологии, то не столько от досады, сколько от волнения.

Так или иначе, Сартр хорошо запомнил тот день и в интервью, которое случилось более сорока лет спустя, сказал: «Могу сказать, что это выбило меня из колеи». Наконец-то настоящая философия. По словам де Бовуар, он ворвался в ближайший книжный магазин и выкрикнул что-то вроде «Немедленно дайте мне все, что у вас есть по феноменологии!» В результате они получили тоненький том, написанный учеником Гуссерля Эммануэлем Левинасом, *La théorie de l'intuition dans la phénoménologie de Husserl*, или «Теория интуиции в феноменологии Гуссерля». Книги в то время все еще продавались с неразрезанными листами. Сартр разорвал листы книги Левинаса, не дожидаясь, пока под рукой окажется перочинный нож, и начал читать прямо на улице. Он был похож на Китса, увидевшего сделанный Чепменом перевод Гомера:

Я счастлив. Так ликует звездочет,
Когда, вглядевшись в звездные глубины,
Он вдруг светило новое найдет.

Так счастлив Кортес был, чей взор орлиный

Однажды различил над гладью вод
Безмолвных Андов снежные вершины².

Орлиным взором Сартр не обладал, молчать у него получалось плохо, но он, безусловно, был полон догадок. Арон, видя его энтузиазм, предложил ему ближайшей осенью поехать в Берлин, чтобы учиться там во Французском институте, как когда-то он сам. Там Сартр мог бы изучать немецкий, читать феноменологов в оригинале и находиться в гуще их философской энергии.

1933 год был не самым удачным временем для переезда в Германию: нацисты уже захватили власть в этой стране. Однако для Сартра это был подходящий момент, чтобы поменять свою жизнь. Ему надоело преподавать, надоело то, чему он учился сам. Его тяготило, что он до сих пор не стал гениальным автором, как мечтал с детства. Сартр понимал: чтобы написать заслуживающий внимания роман или эссе – а именно их он и хотел писать, – нужны приключения. Поэтому он грезил о работе с портовыми грузчиками в Константинополе, о молитвах с монахами на горе Афон, скитаниях с индийскими париями и борьбе с бурями в компании рыбаков у берегов Ньюфаундленда. А для начала можно было просто прекратить учить школьников в Гавре.

Прошло лето, он все подготовил и поехал учиться в Берлин. Вернувшись в конце года, он привез оттуда новую смесь: методы немецкой феноменологии в связке с идеями датского философа Серена Кьеркегора и других, с характерной французской приправой его собственного литературного чутья. Он соединил жизнь и феноменологию гораздо теснее, чем это когда-либо думали сделать ее изобретатели, и тем самым стал отцом-основателем философской школы, которая получила международное признание, не утратив при этом парижского шарма, – экзистенциализма.

Гениальность открытия Сартра в том, что он и правда сделал феноменологию философией абрикосовых коктейлей – и подающих их официантов. А также философией ожидания, усталости, опасения, возбуждения, горного похода, страсти к желанному любовнику и отвращения к нежеланному, парижских садов, холодного осеннего побережья Гавра, ощущения от мягкой обивки, того, как вздымается женская грудь, когда она ложится на спину, остроты боксерского матча, фильма, джазовой песни, переглядывания двух незнакомцев под фонарем. Он сделал философией головокружение, вуайеризм³, стыд, садизм, революцию, музыку и секс. Очень много секса.

Пока другие философы писали тщательные формулировки и рассуждения, Сартр занимался художественной литературой – неудивительно, ведь он был писателем. В своих романах, рассказах и пьесах и философских трактатах он писал о физических ощущениях от мира, о структуре и цвете человеческой жизни. Однако прежде всего он писал об одной ключевой теме – что значит быть свободным.

Свобода для Сартра лежала в основе всего человеческого опыта, и это отличало человека от всех остальных видов объектов. Другие вещи просто стоят на месте, ожидая, когда их подтолкнут или потащат. Даже животные в основном следуют характерным для их вида инстинктам и поведению, считал Сартр. Но у меня, как у человека, нет predetermined природы. Я создаю свою природу посредством свободы выбора. Конечно, на меня влияет моя биология, аспекты моей культуры и личного прошлого, но все это в сумме – не чертеж для создания меня. Я постоянно нахожусь на шаг впереди самого себя, создавая себя на ходу.

² Джон Китс, «После первого чтения чапменовского Гомера», пер. В. Мишукевича. – *Прим. пер.*

³ Сексуальное отклонение; страсть подглядывать за людьми, которые занимаются интимными процессами. – *Прим. ред.*

Сартр сформулировал этот принцип тремя словами, определившими весь экзистенциализм: «Существование предшествует сущности». Это формула настолько же краткая, насколько непонятная. Но в общих чертах она означает, что, очутившись в этом мире, я создаю собственное определение (или природу, или сущность), чего никогда не происходит с другими объектами или формами жизни. Вы можете, конечно, навесить на меня ярлык и считать, что определили меня, но вы ошибаетесь, потому что я постоянно творю сам себя. Я непрерывно создаю себя через действие, и это столь важно для моего человеческого состояния, что по Сартру это и есть состояние человека с момента осознания себя и до самой смерти. Я – это моя собственная свобода: ни больше, ни меньше.

Это была пьянящая идея, и когда Сартр довел ее до совершенства – то есть в последние годы Второй мировой войны, – она сделала его звездой. Его чествовали, его почитали как гуру, у него брали интервью, его фотографировали, ему заказывали статьи и предисловия, его приглашали в комитеты и на радио. Ему всегда было что сказать, даже когда его спрашивали о чем-то, что не относилось к его компетенции. Симона де Бовуар тоже писала художественную литературу, передачи, дневники, эссе и философские трактаты – все это объединяла философия, порой близкая к философии Сартра, хотя многое она творила отдельно, а акценты представляла иначе. Они вместе ездили в лекционные и книжные туры, где их нередко усаживали на троподобные стулья в центре зала, как и подобает королю и королеве экзистенциализма.

28 октября 1945 года, в день выступления с публичной речью для клуба «Maintenant» («Сейчас») в парижском Salle des Centraux, Сартр впервые осознал себя знаменитостью. И он, и организаторы недооценили размер толпы, которая пришла посмотреть на восходящую звезду философии. Зал был переполнен; многие проходили бесплатно, потому что не могли подойти к билетной кассе. В давке ломались стулья, некоторые зрители теряли сознание от не по сезону сильной жары. Как написал автор подписи к фотографии в журнале Time: «Философ Сартр. Женщины падали в обморок».

Выступление имело грандиозный успех. Полутораметрового Сартра едва было видно, но он выступил с захватывающим изложением своих идей, а позже превратил его в книгу «L'existentialisme est un humanisme» или «Экзистенциализм – это гуманизм». Кульминацией и лекции, и книги стал случай, который показался бы очень знакомым аудитории, только что пережившей нацистскую оккупацию и освобождение. Эта история подчеркивает как шокирующую натуру его философии, так и ее привлекательность.

Однажды во время оккупации, рассказывал Сартр, его бывший студент пришел к нему за советом. Брата этого молодого человека убили в бою в 1940 году, перед поражением французов; его отец стал коллаборационистом и покинул семью. Юноша стал единственным спутником и опорой своей матери. Но его мечтой было пробраться через границу через Испанию в Англию, присоединиться к Свободным французским силам и сразиться с нацистами – наконец-то получить шанс в бою отомстить за брата, бросить вызов отцу и помочь освободить свою страну. Проблема заключалась в том, что нужно было оставить мать одну и в опасности в то время, когда непросто было даже найти еды, не говоря о возможных для матери неприятностей с немцами. Так как же поступить, спрашивал он: остаться и исполнить сыновний долг или рискнуть, вступить в борьбу и исполнить долг по отношению ко многим?

Философы и сегодня ломают копья в попытках решить такого рода этические головоломки. У загадки Сартра есть кое-что общее с известным мысленным экспериментом – «проблемой вагонетки». В этом эксперименте предлагается представить поезд или вагонетку, мчащуюся по рельсам, к которым привязаны пять человек. Если не предпринять ничего, эти пятеро погибнут, но рядом есть рычаг, повернув который можно направить поезд на запасной путь. В этом случае погибнет один человек, который привязан к запасному пути и который был бы в безопасности, если бы не поворот рычага. Что вы сделаете: убьете одного человека или ничего не сделаете и позволите умереть пятерым? (В другом варианте этой дилеммы, «про-

блеме толстяка», предлагается пустить поезд под откос, сбросив тяжелого человека на рельсы. Непосредственное применение силы к человеку, которого вы собираетесь убить, делает эту дилемму еще более наглядной и сложной.) Вопрос студента Сартра можно рассматривать как вариант «проблемы вагонетки», усложненный неясностью ни в том, что его отъезд в Англию действительно кому-то поможет, ни в том, что отъезд серьезно навредит его матери.

Однако Сартр не стремился рассуждать об этических расчетах в традиционном для философов ключе – не говоря уже о «вагонетковедах», как их стали называть. Он склонял свою аудиторию к более личным размышлениям. Каково это – оказаться перед подобным выбором? Как именно запутавшийся человек решает, как ему поступить? Кто и как может ему помочь? Сартр сразу подошел к последней части и определил, кто помочь ему точно не в силах.

Прежде чем прийти к Сартру, студент думал обратиться за советом к признанным моральным авторитетам. Он собирался пойти к священнику, но священники порой и сами были коллаборационистами, да и в любом случае христианская этика может только сказать ему любить ближнего и делать добро другим, не уточняя, кому именно – матери или Франции. Затем он подумал обратиться к философам, которых изучал в школе, как к источникам мудрости. Но философы были слишком абстрактны: было ясно, что им нечего сказать в его ситуации. Тогда он попытался прислушаться к своему внутреннему голосу: возможно, он найдет ответ в глубине души. Но нет: внутри себя юноша слышал только шум голосов, наперебой вещавших самые разные установки (возможно, такие, как: «я должен остаться», «я должен уйти», «я должен поступить смело», «я должен быть хорошим сыном», «я хочу что-то сделать, но мне страшно», «я не хочу умирать», «я должен уйти». «Я буду лучшим человеком, чем папа!» «Действительно ли я люблю свою страну?» «Не притворяюсь ли я?»). Среди этой какофонии он не мог вычленить ничего конкретного. В качестве последнего средства молодой человек обратился к своему бывшему учителю Сартру, зная, что, по крайней мере, его ответ точно не будет банальностью.

Сартр выслушал его и ответил: «Ты свободен, поэтому выбирать тебе. В этом мире не бывает знамений, – добавил он. – Ни один древний авторитет не освободит тебя от бремени свободы. Ты можешь сколько угодно тщательно взвешивать моральные или прагматические доводы, но в конечном счете именно ты должен решиться и действовать, и что это будет, зависит только от тебя».

Сартр не уточнял, счел ли юноша его ответ полезным и что он стал делать в итоге. Мы не знаем, существовал ли он вообще, или же был собирательным образом нескольких друзей Жан-Поля, или вовсе лишь его выдумкой. Так или иначе, Сартр стремился донести до аудитории, что каждый из них был так же свободен, как и этот студент, даже если их проблемы были менее драматичны. «Вы можете думать, что руководствуетесь моральными законами, – говорил он, – или что ключевую роль в ваших действиях играют особенности вашей психики, прошлый опыт или происходящее вокруг. Эти факторы играют определенную роль, но все это в целом не более чем “ситуация”, в которой вам приходится действовать. Даже если ситуация невыносима – возможно, вам грозит казнь, или вы сидите в тюрьме гестапо, или вот-вот упадете с обрыва, – вы все равно вольны решать, что делать с ней в мыслях и поступках. Начиная с момента, в котором вы находитесь, вы делаете выбор. И, выбирая, вы также выбираете будущее “я”».

Звучит сложно и запутанно, потому что так и есть. Сартр не отрицает постоянной тревоги от необходимости постоянно принимать решения. Он подчеркивает эту тревогу, указывая на то, что ваши действия действительно имеют значение. Вы должны делать свой выбор так, будто вы решаете от имени всего человечества, принимая на себя груз ответственности за то, как поведет себя род людской. Если избегать этой ответственности, дурача себя тем, что вы жертва обстоятельств или чьего-то плохого совета, вы не отвечаете требованиям человеческой жизни и выбираете фальшивое, отрезанное от собственной «подлинности» существование.

Наряду с ужасом в этом есть и большая надежда: экзистенциализм Сартра подразумевает, что можно быть настоящим и свободным, если не прекращать усилий. Это воодушевляет и одновременно пугает – по одним и тем же причинам. Как подытожил Сартр в интервью вскоре после лекции:

«Не существует проверенного пути к спасению, человек должен постоянно открывать собственный путь. Но он свободен его выбирать, ответственен за него, не имеет оправданий, и все его надежды лежат внутри него».

Это обнадеживающая и весьма актуальная мысль для 1945 года, когда устоявшиеся социальные и политические институты были подорваны войной. Во Франции и других странах у многих были веские причины забыть недавнее прошлое, его нравственные уступки и ужасы, чтобы сосредоточиться на чем-то новом. Однако для стремления к обновлению были и более глубокие причины. Аудитория Сартра услышала его послание в то время, когда большая часть Европы лежала в руинах, появились подробности о нацистских лагерях смерти, а Хиросима и Нагасаки были уничтожены атомными бомбами. Война заставила людей осознать, что они и их собратья способны полностью отойти от норм цивилизации; неудивительно, что идея о неизменной природе человека казалась теперь спорной. Какой бы новый мир ни возник на месте старого, его, вероятно, придется строить без надежного руководства со стороны авторитетных источников – политиков, религиозных лидеров и даже философов – особенно философов старого образца, живущих в своих далеких и абстрактных мирах. Но вот появился философ нового типа, готовый вступить в игру и прекрасно подходящий для этой задачи.

В середине 1940-х годов Сартр задался главным вопросом: если учитывать, что мы свободны, то как нам правильно использовать нашу свободу в столь сложные времена? В своем эссе «Конец войны», который он написал сразу после Хиросимы и опубликовал в октябре 1945 года – в том же месяце, что и лекция, – он призывал своих читателей решить, какого мира они хотят, и воплотить его в жизнь. Отныне, писал он, мы должны всегда принимать во внимание наше знание о том, что мы способны по своему желанию уничтожить сами себя, всю нашу историю и, возможно, саму жизнь на Земле. Кроме нашего собственного свободного выбора, нас ничто не остановит. Если мы хотим выжить, мы должны решить жить. Таким образом, он предложил философию, предназначенную для вида, который только что поставил под вопрос собственное существование, но который вместе с тем почувствовал, что готов повзрослеть и принять на себя ответственность.

Институты, авторитет которых Сартр оспаривал в своих работах и выступлениях, отвечали агрессивно. Католическая церковь в 1948 году внесла все произведения Сартра в свой Индекс запрещенных книг, начиная с его великого философского труда «Бытие и ничто» и заканчивая романами, пьесами и эссе. Они справедливо опасались, что его рассуждения о свободе заставят людей усомниться в своей вере. В список также был добавлен еще более провокационный феминистский трактат Симоны де Бовуар «Второй пол»⁴. Логично, что экзистенциализм не понравился консерваторам; удивительнее то, что его возненавидели и марксисты. Сегодня Сартра часто вспоминают как апологета коммунистических режимов, однако долгое время он подвергался очернению со стороны партии. В конце концов, если люди продолжают думать о себе как о свободных индивидах, как может быть возможна правильно организованная революция? Марксисты считали, что человечеству суждено развиваться по определенным ступеням к социалистическому раю; это не оставляло места для идеи о персональной ответственности за свои поступки. Имея разные идеологические отправные точки, почти все противники экзистенциализма соглашались с тем, что он, как говорилось в статье в *Les nouvelles littéraires*, представляет собой «тошнотворную смесь философской претенциозности, двусмыс-

⁴ Азбука, М.: 2020. – Прим. ред.

ленных мечтаний, физиологических формальностей, болезненных вкусов и нерешительного эротизма... интроспективный зародыш, который можно с явным удовольствием раздавить».

Подобные нападки лишь способствовали привлекательности экзистенциализма для молодых бунтарей, принявших его как образ жизни и модный ярлык. С середины 1940-х годов слово «экзистенциалист» стало использоваться как нарицательное для всех, кто практиковал свободную любовь и допоздна танцевал под джаз. Как заметила в своих воспоминаниях актриса и посетительница ночных клубов Анн-Мари Казалис: «Если вам было двадцать в 1945 году, то после четырех лет оккупации свобода означала также свободу ложиться спать в 4 или 5 часов утра. Это значило оскорблять старших и нарушать порядок вещей. И также могло означать свободное общение с представителями всех рас и классов». Философ Габриэль Марсель слышал, как одна дама в поезде сказала: «Месье, какой ужас, экзистенциализм! У меня есть друг, и его сын-экзистенциалист живет на кухне с негритянкой!»

Субкультура экзистенциалистов, возникшая в 1940-х годах, нашла свой дом в окрестностях церкви Сен-Жермен-де-Пре на Левом берегу Парижа – районе, до сих пор использующем эту связь по полной программе. Сартр и де Бовуар много лет жили в дешевых отелях Сен-Жермен и целыми днями писали, сидя в кафе, в основном потому, что там было теплее, чем в неотапливаемых гостиничных номерах. Они предпочитали *Flore*, *Deux Magots* и *Bar Napoléon*, расположенные на углу бульвара Сен-Жермен и улицы Бонапарта. *Flore* был лучшим, поскольку его владелец позволял им иногда работать в отдельной комнате наверху, когда любопытные журналисты или прохожие становились слишком назойливы. Но им также нравились оживленные столики внизу, по крайней мере, в первые дни: Сартру нравилось работать в людных местах, среди шума и суеты. Они с де Бовуар собирались вместе с друзьями, коллегами, художниками, писателями, студентами и любовниками и наперебой разговаривали, связанные лентами сигаретного или трубочного дыма.

После кафе можно было отправиться в подвальные джаз-клубы: в *Lorientais* группа Клода Лютера играла блюз, джаз и регтайм, а звездой клуба *Tabou* был трубач и романист Борис Виан. Там танцевали под рваные ритмы джаз-бенда или спорили об аутентичности в темном углу, слушая прокуренный голос подруги и музыки Казалиса, Жюльетты Греко, которая прославилась после приезда в Париж в 1946 году. Она, Казалис и Мишель Виан (жена Бориса) наблюдали за новыми посетителями *Lorientais* и *Tabou* и отказывали во входе всем, кто выглядел неуместно, – хотя, по словам Мишель Виан, они принимали любого, «лишь бы он был интересным – то есть если у него под мышкой была книга». Среди завсегдатаев были и авторы этих книг, в частности, Раймон Кено и его друг Морис Мерло-Понти, которые открыли для себя мир ночных клубов благодаря Казалису и Греко.

Греко положила начало моде на длинные, прямые, «экзистенциалистские» стрижки – «как у утопленника», по выражению одного журналиста, – и на шикарные толстые свитера и мужские пиджаки с закатанными рукавами. Она говорила, что впервые отрастила длинные волосы, чтобы согреться в военные годы; де Бовуар говорила так же о своей привычке носить тюрбан. Экзистенциалисты носили брошенные рубашки и плащи; кто-то из них придерживался стиля, напоминающего прото-панк. Один молодой человек, согласно журналистскому отчету, ходил с «полностью изорванной на спине рубашкой». И самое главное, они сделали самым культовым среди экзистенциалистов предметом одежды черную шерстяную водолазку.

В этом бунтарском мире, как и у парижской богемы и дадаистов предыдущих поколений, все опасное и провокационное было хорошим, а все милое и буржуазное – плохим. Де Бовуар с удовольствием рассказывала историю о своем друге, нищем немецком художнике-алкоголике по прозвищу Вольс (от Альфредо Отто Вольфганга Шульце, его настоящего имени), который скитался по району, живя на подачки и собирая объедки. Однажды он пил с Бовуар на террасе бара, когда к нему подошел состоятельного вида господин и заговорил с ним. После того как мужчина ушел, Вольс смущенно повернулся к Бовуар и сказал: «Извините, этот парень – мой

брат, банкир!» Ее позабавило, что он извинился в точности так, как может извиниться банкир, если его увидят разговаривающим с бродягой. Возможно, сегодня, после десятилетий подобных контркультурных инверсий, подобный поворот событий кажется менее странным, но в то время он был способен шокировать одних и восхищать других.

Журналисты, чьим хлебом были пикантные истории об экзистенциалистской среде, проявляли особый интерес к любовной жизни де Бовуар и Сартра. Известно, что у пары были открытые отношения, в которых каждый из них был для другого главным долгосрочным партнером, но при этом мог иметь других любовников. Оба охотно пользовались этой свободой. Позже у де Бовуар были серьезные отношения, в том числе с американским писателем Нельсоном Олгреном и с Клодом Ланцманом, французским режиссером, снявшим девятичасовой документальный фильм «Шоа» о Холокосте. Как женщину, де Бовуар осуждали за ее поведение более строго, но Сартру тоже доставалось от прессы за его многочисленные похождения. В одной из статей в журнале *Samedi-soir* в 1945 году утверждалось, что он затаскивал женщин в спальню, предлагая им понюхать камамбер. (Да, достать хороший сыр в 1945 году было непросто.)

В действительности Сартру не нужно было размахивать сыром, чтобы затаскать женщин в постель. Глядя на его фотографии, можно удивиться, но его успех был связан не столько с его внешностью, сколько с его интеллектуальной энергией и уверенностью. Он увлеченно рассказывал о своих идеях, но мог и повеселиться: прекрасно пел «Old Man River» и другие джазовые хиты, играл на пианино и изображал Дональда Дака. Раймон Арон писал о Сартре в школьные годы, что «его уродство исчезало, как только он начинал говорить, как только его интеллект прятал прыщи и отеки с его лица». Другая знакомая, Виолетта Ледюк, соглашалась, что его лицо не могло быть уродливым, потому что оно излучало его гений, а также обладало «честностью извергающегося вулкана» и «щедростью только что вспаханного поля». Скульптор Альберто Джакометти, делая эскиз Сартра, воскликнул во время работы: «Какая плотность! Какие сильные линии!» Лицо Сартра было задумчивым, философским: все в нем отсылало вас в иную реальность, переходя от одной асимметричной черты к другой. Он мог утомлять, но он не был скучным, и клика его поклонников росла и росла.

Для Сартра и де Бовуар открытые отношения были не просто личной договоренностью, это был философский выбор. Они хотели воплотить свою теорию свободы в жизнь. Буржуазная модель брака с ее строгими гендерными ролями, замалчиваемыми изменами, стремлением к накоплению имущества и рождению детей их не привлекала. Сами они потомство не заводили, мало чем владели и даже никогда не жили вместе, хотя ставили свои отношения превыше всего и встречались почти каждый день, чтобы работать бок о бок.

Они воплощали свою философию в реальной жизни и другими способами. Оба считали, что нужно посвятить себя политической деятельности, и предоставляли свое время, энергию и славу в распоряжение любого, чью деятельность они поддерживали. Молодые друзья обращались к ним за помощью в начале карьеры и за финансовой поддержкой: де Бовуар и Сартр имели своих протеже. Они писали полемические статьи и публиковали их в основанном ими вместе с друзьями в 1945 году журнале *Les Temps modernes*. В 1973-м Сартр также стал одним из основателей крупной левой газеты *Libération*. С тех пор газета претерпела несколько трансформаций, включая переход к более умеренной политике и почти полное банкротство, но оба издания продолжают выходить и сейчас (по крайней мере, когда я писал эту книгу).

В то время как их статус рос и все вокруг стремились утащить их в мейнстрим, Сартр и де Бовуар упорно продолжали оставаться интеллектуальными аутсайдерами. Ни один из них не стал академиком в общепринятом смысле этого слова. Они жили школьным преподаванием или тем, что сегодня называли бы фрилансом. Их друзья поступали так же: они были драматургами, издателями, репортерами, редакторами или эссеистами, но лишь немногие были вхожи в университеты. Когда Сартру предлагали орден Почетного легиона за участие в Сопротивле-

нии в 1945 году и Нобелевскую премию по литературе в 1964 году, он отказывался от наград, ссылаясь на то, что писатель должен оставаться независимым от чужих интересов и влияний. Де Бовуар отказалась от ордена Почетного легиона в 1982 году по той же причине. В 1949 году Франсуа Мориак выдвинул кандидатуру Сартра для избрания во Французскую академию (неясно, куда конкретно), но Сартр отказался и от этого.

«Моя жизнь – это моя философия», – написал он однажды в своем дневнике и неукоснительно придерживался этого принципа. Переплетение жизни и философии также заставляло его интересоваться жизнью других людей. Он стал новатором-биографом, опубликовав жизнеописания совокупным объемом порядка двух миллионов слов, среди которых сочинения о Бодлере, Малларме, Жене и Флобере, а также мемуары о собственном детстве. Де Бовуар тоже по крупицам собирала собственный опыт и жизнь своих друзей, оформив все это в четыре богатых тома автобиографии, дополненных одним мемуаром о матери и еще одним – о последних годах жизни с Сартром.

Переживания и чудачества Сартра нашли свое отражение даже в его самых серьезных философских трактатах. Это привело к неожиданным результатам, учитывая, что его личный жизненный опыт варьировался от неприятных мескалиновых флешбэков и ряда неловких ситуаций с возлюбленными и друзьями до причудливых одержимостей деревьями, вязкими жидкостями, осьминогами и ракообразными. Все это, однако, имело смысл в соответствии с принципом, впервые озвученным Раймоном Ароном в тот день в *Ves-de-Gaz*: из этого коктейля можно сделать философию. Тема философии – все, что вы переживаете, и то, как вы это переживаете.

Подобное переплетение идей и образа жизни имело давнюю историю, хотя экзистенциалисты придали ему новые краски. Античные стоики и эпикурейцы практиковали философию не ради поиска знаний или мудрости, а как средство улучшения жизни. Философски размышляя о превратностях жизни, они считали, что смогут возвыситься над обстоятельствами, стать более стойкими и лучше справляться с горем, страхом, гневом, разочарованием или тревогой. В хранимой ими традиции философия – это не абстрактное интеллектуальное занятие и тем более не набор дешевых приемов в духе «помоги себе сам», а дисциплина для выстраивания полноценной, ответственной человеческой жизни.

С течением веков философия трансформировалась в дисциплину, которой занимались в академиях или университетах ученые, порой даже гордившиеся изысканной бесполезностью своей дисциплины. Тем не менее традиция философии как образа жизни продолжала существовать за кулисами официоза, и часто ей занимались чудаки, имевшие мало отношения к традиционным университетам. Пара таких «отщепенцев» из XIX века оказали особенно сильное влияние на более поздних экзистенциалистов: Серен Кьеркегор и Фридрих Ницше. Ни один из них не был академическим философом: Кьеркегор не сделал университетской карьеры, а Ницше был профессором греческой и римской филологии, которому пришлось уйти на пенсию из-за проблем со здоровьем. Оба были индивидуалистами, и оба – бунтарями по натуре, стремящимися выбить людей из привычной зоны комфорта. Скорее всего, оба были невыносимы при личном общении больше пары часов подряд. Оба находятся вне основной истории современного экзистенциализма, являясь предтечами, но оказали большое влияние на появившееся намного позже течение.

Серен Кьеркегор, родившийся в Копенгагене в 1813 году, задал тон, впервые используя слово «экзистенциальный» для обозначения мысли о проблемах человеческого существования. Он включил его в громоздкое название работы 1846 года: «Заключительное ненаучное послесловие к Философским Крохам (Мимически-Патетически-Диалектическая Компиляция. Экзистенциальный вклад Иоханнеса Климакуса)». Это необычное название было для него типичным: он любил играть со своими публикациями, и у него был наметанный на цепкие

фразы глаз: среди других его работ были «Из записок еще живущего», «Или/или», «Страх и трепет», «Понятие страха» и «Болезнь к смерти».

Кьеркегор хорошо понимал нелепость и тяжесть человеческого бытия. Все в его облике было неправильным, включая походку из-за искривления позвоночника, за что его враги жестоко над ним издевались. Мучимый религиозными вопросами и ощущающий себя изолированным от остального человечества, Кьеркегор большую часть времени находился в уединении. Однако время от времени он отправлялся принимать «народные ванны» на улицах Копенгагена, зазывая знакомых и увлекая их за собой в долгие философские прогулки. Его спутники с трудом поспевали за ним, пока он шагал и разглагольствовал, размахивая своей тростью. Один из друзей, Ханс Брохнер, вспоминал, как во время прогулок с Кьеркегором «его все время несло то в сторону домов и подвальных лестниц, то в сторону сточных канав». Время от времени приходилось переходить на другую сторону, чтобы освободить место. Кьеркегор считал делом принципа выбивать людей из колеи. Он писал, что с удовольствием посадил бы кого-нибудь на лошадь и пустил бы ее в галоп, или дал бы спешащему человеку хромую лошадь, или даже прицепил бы свою повозку к двум лошадям, идущим с разной скоростью, – что угодно, лишь бы заставить человека понять, что он подразумевает под «страстью» бытия. Кьеркегор был прирожденным подстрекателем. Он ссорился со своими современниками, разрывал личные отношения и буквально из всего создавал проблемы. Он писал: «Абстракция бескорыстна, но для того, кто существует, его существование – высший интерес».

Те же аргументы он применял и к своим знаменитым предшественникам. К примеру, он не соглашался с Рене Декартом, основавшим философию нового времени утверждением *Cogito ergo sum*: Я мыслю, следовательно, я существую. По Кьеркегору, Декарт все понял с точностью до наоборот. Кьеркегор же считал, что человеческое существование стоит на первом месте: оно является отправной точкой для всего, что мы делаем, а не результатом логического вывода, который делал Декарт. Мое существование активно: я живу им и выбираю его, и это предшествует любым моим выводам о себе. Более того, мое существование – *мое*: оно личное. У Декарта «я» общее: оно может относиться к кому угодно, но «я» Кьеркегора – это «я» мучимого сомнениями, страдающего неудачника.

Он также не соглашался с Гегелем, чья философия представляла мир диалектически развивающимся через последовательность «форм сознания», каждая стадия развития которых сменяет предыдущую, пока все они не возвысятся до «абсолютного духа». Гегелевская «Феноменология духа»⁵ приводит нас к кульминации столь же грандиозной, как и библейское Откровение, но вместо того, чтобы отправить каждого в Ад или в Рай, она погружает всех нас во все-ленское сознание. Кьеркегор противопоставил Гегелю типично неудобные вопросы: что, если я не захочу стать частью этого «Абсолютного Духа»? Что, если я откажусь растворяться и буду настаивать на том, чтобы оставаться самим собой?

Сартр читал Кьеркегора и был очарован его воинственным настроением и бунтом против великих философских систем прошлого. Он также позаимствовал у датчанина специфическое использование слова «экзистенция» для обозначения человеческого способа существования, в котором мы создаем сами себя, на каждом шагу делая выбор «или-или». Сартр согласился с Кьеркегором в том, что этот постоянный выбор порождает всепроникающую тревогу, напоминающую головокружение при взгляде на обрыв. Это не столько страх падения, сколько страх неуверенности в том, что ты не сбросишься сам. Голова кружится; хочется за что-нибудь ухватиться, к чему-то себя привязать – но вы не можете так легко защитить себя от опасности, исходящей от самой свободы. «Тревога есть головокружение от свободы», – писал Кьеркегор. По его мнению, а также по мнению Сартра, вся наша жизнь проходит на краю пропасти.

⁵ Азбука, М.: 2021. – Прим. ред.

Однако Сартр не мог принять некоторые другие аспекты мысли Кьеркегора. Согласно Кьеркегору, ответом на «муки» является прыжок веры в объятия Бога, вне зависимости от вашей уверенности в его присутствии. Это было погружение в «абсурд» – в то, что не может быть рационально доказано или оправдано. Сартру было не до этого. Он рано утратил свою веру: возможно, это произошло, когда ему было примерно одиннадцать лет и он стоял на автобусной остановке. Он просто внезапно осознал, что Бога не существует. Вера так и не вернулась, и до конца жизни он оставался убежденным атеистом. То же произошло и с де Бовуар, которая отвергла свое традиционное религиозное воспитание. Другие мыслители по-разному развивали теологический экзистенциализм Кьеркегора, но Сартра и де Бовуар он оттолкнул.

Они нашли близкую себе по духу философию у другого великого предшественника экзистенциалистов – Фридриха Ницше. Мыслитель родился в Реккене в Пруссии в 1844 году и сделал блестящую карьеру в области филологии, но затем стал писать оригинальные философские трактаты и сборники афоризмов. Он направлял их против благочестивых догм как христианства, так и традиционной философии: для него и то и другое было своекорыстной вуалью, наброшенной на суровые реалии жизни. Ницше считал необходимыми не высокие моральные или богословские идеалы, а глубокую критику истории культуры через выстраивание «генеалогии», которая раскрывала бы причины того, почему люди стали такими, какими стали. По его мнению, вся философия может быть даже переосмыслена как разновидность психологии или истории. Он считал, что каждый великий философ фактически не ведет обезличенный поиск знаний, а пишет «своего рода произвольные и бессознательные мемуары». Изучение генеалогии нашей собственной морали не поможет нам убежать или превзойти себя. Но оно может позволить яснее увидеть наши иллюзии и вести более насыщенное, полное существование.

В этой картине нет Бога, потому что люди, придумавшие Бога, сами Его и убили. Теперь все зависит только от нас. Жить следует не в вере, а в собственной жизни, утверждая каждое мгновение таким, какое оно есть, без сожалений о несбывшемся и не затаивая злобы на других или судьбу.

Ницше не успел приложить свои идеи к реальности, но не потому, что ему не хватило смелости, а потому, что его предало собственное тело. В сорокалетнем возрасте он стал жертвой болезни – вероятно, сифилиса или опухоли мозга, разрушившей его умственные способности. После странного происшествия на улицах Турина в январе 1889 года, во время которого (как гласит история) он с рыданиями бросился на шею побитой извозчиком лошади, Ницше впал в необратимое слабоумие и остаток жизни провел инвалидом. Он умер в 1900 году, не подозревая, какое влияние его видение человеческого существования однажды окажет на экзистенциализм и другие последующие течения. Возможно, Ницше бы не удивился: пусть его эпоха не сумела понять его гений, однако он всегда ощущал, что этот день когда-нибудь наступит.

Ницше и Кьеркегор были предвестниками современного экзистенциализма. Они стали первооткрывателями атмосферы бунта и разочарования, создали новое определение существования как выбора, действия и самоутверждения и исследовали муки и трудности жизни. Они также работали в убеждении, что философия – это область знаний. Это и была сама жизнь – жизнь каждого человека.

Вобрав в себя эти старые идеи, новые экзистенциалисты продолжили вдохновлять свое и последующие поколения схожим посланием, вестью индивидуализма и нонконформизма. На протяжении второй половины двадцатого века экзистенциализм давал людям повод отбросить шаблоны и изменить свою жизнь.

Самым революционным экзистенциалистским произведением стала новаторская феминистская работа Симоны де Бовуар «Второй пол», опубликованная в 1949 году. Анализ опыта и жизненного выбора женщин, а также истории патриархального общества в целом, призывал женщин повысить уровень самосознания, усомниться в общепринятых идеях и привычках и взять свое существование под контроль. Многие читатели, может, и не подозревали, что читают

экзистенциалистскую работу (отчасти потому что английский перевод не раскрыл большую часть ее философского смысла), но это было именно так – и женщины, менявшие свою жизнь после прочтения книги, делали это в экзистенциалистском духе, стремясь к свободе, пытаясь обрести индивидуальность и «подлинность».

В то время книга считалась шокирующей, не в последнюю очередь благодаря главе о лесбийстве – хотя мало кто тогда знал, что у самой де Бовуар были сексуальные отношения с представителями обоих полов. Сартр также выступал за права сексуальных меньшинств, хотя он всегда настаивал на том, что сексуальность – это вопрос выбора, что расходилось с мнением многих представителей сексуальных меньшинств, считавших, что они такими родились. Как бы то ни было, философия экзистенциализма давала им стимул жить так, как им кажется правильным, а не пытаться соответствовать представлениям окружающих.

Угнетенным по признаку расы или класса, а также борцам с колониализмом экзистенциальная мысль предложила сдвинуть перспективу – почти буквально, поскольку Сартр предложил оценивать ситуации в зависимости от того, как они выглядят в глазах наиболее угнетенных или наиболее страдающих. Мартин Лютер Кинг-младший был в числе зачинателей борьбы за гражданские права, которые заинтересовались этой идеей. Работая над своей философией ненасильственного сопротивления, он читал Сартра, Хайдеггера и немецко-американского теолога-экзистенциалиста Пауля Тиллиха.

Никто не станет утверждать, что экзистенциализм стал причиной всех социальных изменений середины XX века. Но, настаивая на свободе и подлинности, он дал импульс радикалам и протестующим. И когда поднялась волна перемен, вылившаяся в студенческие и рабочие восстания 1968 года в Париже и других городах Франции, многие начертанные на городских стенах лозунги отражали экзистенциалистские темы:

- Запрещено запрещать.
- Ни Бога, ни господина.
- Человек не «разумен» – он либо свободен, либо нет.
- Будьте реалистами: требуйте невозможного.

Как заметил сам Сартр, демонстранты на баррикадах 1968 года требовали ничего и всего одновременно – то есть они требовали свободы.

К 1968 году большая часть одетых в рваные рубашки ночных тусовщиков с подведенными глазами конца 1940-х годов давно угомонилась, но только не Сартр и де Бовуар. Эти двое шли в первых рядах демонстраций, стояли на баррикадах Парижа, выступали перед рабочими и студентами на пикетах, несмотря на некоторое недоумение по поводу образа мыслей нового поколения. 20 мая 1968 года Сартр выступил перед семью тысячами студентов в роскошном актовом зале Сорбонны. Из всех интеллектуалов, жаждавших принять в этом участие, именно миниатюрному, но весьма уверенному в себе Сартру дали микрофон и вывели к толпе. Сперва он показался у окна, чтобы обратиться к студентам во дворе снаружи, словно Папа Римский в Ватикане, а затем его провели в переполненную аудиторию. Студенты толпились внутри, кто-то залезал на статуи – «были студенты, сидевшие на руках Декарта, другие – на плечах Ришелье», – писала де Бовуар. Громкоговорители на колоннах в коридорах передавали выступление с улицы. Появилась телекамера, но студенты кричали, чтобы ее убрали. Сартру приходилось перекрикивать толпу даже через микрофон, но постепенно публика успокоилась и принялась слушать уже немолодого мыслителя. После выступления Сартра засыпали вопросами о социализме и о постколониальных освободительных движениях. Де Бовуар беспокоилась, что он застрял там навечно. Когда же он все-таки вышел, то обнаружил, что за кулисами его поджидает ревнивая группа писателей, недовольная тем, что Сартр стал единственной «звездой», послушать которую пришли студенты (чем предположительно была недовольна Маргерит Дюрас).

Сартру на тот момент было шестьдесят три года. Его аудитория по большей части годилась ему во внуки. Мало кто из них помнил конец войны, не говоря уже о первых годах 1930-х, когда он начинал размышлять о свободе и бытии. Они видели в Сартре скорее живое национальное достояние, чем одного из своих. И все же в некотором выходившем за рамки политического активизма смысле они были обязаны ему даже больше, чем сами понимали. Сартр протянул мост между ними и собственным поколением разочарованных студентов конца 1920-х годов, которым надоела учеба и хотелось «разрушительных» новых идей. Кроме того, он связал их с целым рядом бунтарей от философии: с Ницше, Кьеркегором и другими.

Сартр был мостом ко всем традициям: он их разобрал, модернизировал, персонализировал и изобрел заново. И все же он всю жизнь настаивал, что важно не прошлое, а будущее. Нужно продолжать двигаться вперед, создавать грядущее: воздействовать на мир и менять его к лучшему. Его преданность идее будущего оставалась неизменной, даже когда к семидесяти годам он начал слабеть, терять остатки зрения, плохо слышать и путаться в мыслях – и в конце концов поддался тяжести лет.

Спустя двенадцать лет после взятия Сорбонны Сартр последний раз появился на публике. Это были его похороны 19 апреля 1980 года, на которые собралась огромная толпа. Похороны проходили совсем не так, как традиционные: Сартр терпеть не мог официоза и помпезности, и организаторы остались верны его принципам. Так или иначе, прощание с философом, безусловно, стало масштабным общественным событием.

Отрывки из телерепортажей и сейчас доступны в Интернете: можно понаблюдать, как открываются двери больницы и медленно выезжает грузовик, заваленный горой букетов. Цветы подрагивают и колышутся, словно кораллы, когда машина вклинивается в массу людей. Люди впереди спешат, чтобы дать машине проехать. За грузовиком едет катафалк, внутри которого находится гроб. Там же – сопровождающие, Симона де Бовуар и еще несколько близких людей. Камера фокусируется на одной розе, прикрепленной кем-то к дверной ручке катафалка. Затем выхватывает уголок черной ткани, накинутой на гроб, украшенный одной буквой «S». Комментатор сообщает, что в церемонии участвуют около 50 000 человек; примерно 30 000 из них выстроились на трех километрах улиц между больницей и кладбищем Монпарнас, а еще 20 000 ждут на самом кладбище. Как и студенты в 1968 году, некоторые люди на кладбище забрались на колени или головы мемориальных фигур. Без происшествий не обошлось: один человек упал в открытую могилу, и его пришлось вытаскивать.

Машины подъезжают и останавливаются; видно, как носильщики извлекают гроб и несут его к могиле, с трудом проталкиваясь и сохраняя достоинство. Маленький неловкий момент: носильщик снимает шляпу, затем понимает, что он такой один, и надевает ее обратно. В могилу опускают гроб, скорбящие проходят вперед. Кто-то подвигает Симоне де Бовуар стул; она садится. Симона выглядит потрясенной и измученной, на ее волосы повязан платок; она пила успокоительные. Бовуар опускает в могилу один цветок, другие бросают еще цветы, под которыми гроб быстро скрывается.

Засняли только первую из двух церемоний. На следующей неделе, когда все затихло, гроб выкопали, находящийся в нем гроб меньшего размера извлекли, а самого Сартра кремировали. Его прах обрел покой на том же кладбище, но в менее доступном для публики месте. Первые похороны Сартра проводились для общественности; на втором погребении присутствовали только близкие. Могила, в которой покоится прах де Бовуар, умершей шесть лет спустя, находится там же. На ней время от времени появляются цветы.

С этими церемониями закончилась эпоха, а вместе с ней и личная история, которая вплела Сартра и де Бовуар в жизнь очень многих людей. В снятой на пленку толпе можно увидеть самые разные лица: старые и молодые, черные и белые, мужчин и женщин. Среди них студенты, писатели, люди, помнящие его деятельность в Сопротивлении в военное время, члены профсоюзов, чьи забастовки он поддерживал, активисты движения за независимость в Индо-

китае, Алжире и других странах, чтящие его вклад в свои кампании. Для кого-то похороны переросли в марш протеста: Клод Ланцман позже назвал их последней из великих демонстраций 1968 года. Но многие пришли туда только из любопытства или случайно, или же потому, что Сартр повлиял на какой-либо аспект их жизни, или потому, что уход из жизни столь выдающегося философа просто требовал некоего жеста участия.

Я пересматривала видео минимум десяток раз, вглядываясь в низкокачественные изображения множества лиц и задаваясь вопросом: что же для каждого из них значили экзистенциализм и Жан-Поль Сартр? Я знаю только то, что они значили для меня. Книги Сартра изменили и мою жизнь, пусть и косвенно, исподтишка. Новости о его смерти и похоронах в 1980 году прошли мимо меня, хотя к тому времени – в семнадцать лет – я уже всюю симпатизировала экзистенциалистам.

Я увлеклась Сартром за год до этого. По прихоти я потратила часть подаренных мне на шестнадцатилетие денег на его роман «Тошнота» – в основном потому, что мне понравилась картина Сальвадора Дали на обложке издания от издательства Penguin: желчно-зеленый скальный массив и капающие часы. Мне также понравилась аннотация, в которой «Тошнота» называлась «романом об отчуждении личности и тайне бытия». Я не понимала, что значит «отчуждение», хотя в то время была его живым примером. Однако я не сомневалась, что книга мне понравится. Так и вышло: начав читать, я сразу же прониклась ее главным героем Антуаном Рокентеном, мрачным аутсайдером, коротающим дни в безрадостном блуждании по провинциальному приморскому городку Бувиль (написанному по образцу Гавра, где Сартр работал учителем). Рокентен сидит в кафе и слушает блюз в записи вместо того, чтобы заняться биографией, которую он должен написать. Он гуляет по берегу моря и бросает камешки в его серые, похожие на кашу глубины. Он идет в парк и смотрит на шишковатый корень каштана, который кажется ему выделанной кожей и грозит поглотить его своей непроницаемой мощью бытия.

«Тошнота» произвела на меня большое впечатление: я была заинтригована, узнав, что эта книга была не только прозой, но и способом Сартра изложить философию под названием «экзистенциализм». Но что это было за «бытие»? Меня никогда не поражало бытие корня каштана, я даже не задумывалась о том, что что-то обладает бытием. Я пробовала ходить по скверам в своем родном провинциальном городке Рединг и всматриваться в какое-нибудь дерево до помутнения в глазах. Это не работало; мне чудилось, что я вижу какое-то движение, но это был всего лишь ветерок в листьях. И все же, глядя на нечто столь пристально, я испытывала некое озарение. С тех пор я стала пренебрегать учебой, чтобы просто «существовать». Я и раньше отличалась склонностью к прогулам, а под влиянием Сартра стала еще более упорной прогульщицей, чем когда-либо. Вместо школы я устроилась на неофициальную подработку в карибский магазин, где продавала пластинки регги и декоративные трубки для гашиша. Там я многому научилась – гораздо большему, чем то, что я когда-либо слышала в классе.

Сартр научил меня отстраняться от жизни. Отстранение – недооцененная и порой полезная реакция на мир. С другой стороны, он же побудил меня изучать философию. Значит, нужно было сдавать вузовские экзамены, поэтому в последний момент я с неохотой взялась за учебную программу и проскочила. Я поступила в Эссекский университет, где получила степень по философии и познакомилась с другими работами как Сартра, так и много кого еще. Я попала под чары Хайдеггера и начала защищать докторскую диссертацию по его трудам – чтобы в итоге снова бросить учебу, совершив второй акт исчезновения.

Опыт студенчества изменил меня еще раз. Мне удавалось проводить дни и вечера более или менее так же, как делали это экзистенциалисты в своих кафе: читать, писать, пить, влюбляться и охладевать, заводить друзей и обсуждать свои мысли. Мне все это нравилось, и я думала, что моя жизнь навсегда останется одним большим экзистенциалистским кафе.

С другой стороны, я понимала, что экзистенциалисты уже давно вышли из моды. К 1980-м годам они уступили место новым поколениям структуралистов, постструктуралистов, декон-

структивистов и постмодернистов. Эти философы, казалось, относились к философии как к игре. Они жонглировали знаками, символами и значениями; они выдергивали странные слова из текстов друг друга, чтобы обрушить всю конструкцию. Они отыскивали все более тонкие и маловероятные оттенки значений у писателей прошлого.

Хотя каждое из этих движений противоречило друг другу, в большинстве своем они были едины в том, что считали экзистенциализм и феноменологию квинтэссенцией того, чем не являлись сами эти движения. Головокружительность свободы и муки существования стали позорищем. Биографию вынесли за скобки, потому что за скобками оказалась сама жизнь. Опыт должен быть исключен; антрополог-структуралист Клод Леви-Стросс в особенно пренебрежительном тоне писал, что основанная на личном опыте философия – это «метафизика продавщицы». Целью гуманитарных наук было «расщепить человека», говорил он, и, очевидно, в этом же состояла цель философии. Новые мыслители могли вдохновлять, но они также возвращали философию в абстрактный ландшафт, лишенный живых, активных, страстных существ – людей, вышедших на передний план в эпоху экзистенциализма.

После второго отчисления я порой погружалась в книги по философии, но уже не могла уделять им достаточно внимания. Мои прежние фавориты оставались на дальних полках книжного шкафа, отчего он напоминал полку с приправами на кухне демиурга: «Бытие и небытие», «Бытие и время», «О времени и бытии», «Тотальность и бесконечность». Доставала я их, однако, редко, пока несколько лет назад не взяла с полки сборник эссе Мориса Мерло-Понти в поисках работы о писателе эпохи Возрождения Мишеле де Монтене.

Мерло-Понти был другом Сартра и де Бовуар (пока они не разругались) и феноменологом, специализировавшимся на вопросах тела и восприятия. Также он был блестящим эссеистом. Я отвлеклась от Монтеня на другие эссе в этом томе, а затем на ключевую работу Мерло-Понти «Феноменология восприятия»⁶. Я заново открыла для себя смелость и богатство его мысли. Неудивительно, что мне всегда нравилось подобное! От Мерло-Понти я перешла к Симоне де Бовуар, чью автобиографию обнаружила во время долгого студенческого лета, когда продавала мороженое на сером и унылом английском пляже. Сейчас я перечитала ее целиком. Затем появились Альбер Камю, Габриэль Марсель, Жан-Поль Сартр. В конце концов я вернулась к монументальному Хайдеггеру.

По мере того как я читала, меня не покидало жуткое ощущение, что я снова сливаюсь со своей двадцатилетней «я», тем более что мои экземпляры книг были заполнены чудаковатыми юношескими пометками этого «я».

Однако мое нынешнее «я» также видело эти заметки, порой делая критические или язвительные комментарии. В процессе чтения «я» сменяли друг друга, то ссорясь, то приятно удивляясь, то находя друг друга смешными.

Я осознала, что изменилась за эти двадцать пять с лишним лет, но и мир тоже не стоял на месте. Некоторые из столь модных движений, отправивших экзистенциализм в отставку, уже и сами успели устареть и прийти в упадок. Проблемы XXI века уже не те, что были в конце XIX: возможно, сегодня мы уже ищем в философии нечто иное.

Если это так, то возвращение к экзистенциалистам, с их смелостью и энергией, в определенной степени освежает восприятие. Эти философы не сидели в башнях слоновой кости, поигрывая знаками. Они задавали важные вопросы о том, что значит жить подлинной, полноценной человеческой жизнью, оказавшись в этом мире с таким множеством других людей, которые в свою очередь также пытаются жить. Они задавали вопросы о ядерной войне, о нашем отношении к природе, о насилии и сложности международной политики в опасные времена. Многие из них жаждали изменить мир и задавались вопросом, на какие жертвы мы готовы пойти ради этой цели. Те из них, кто были атеистами, спрашивали, как мы можем осмысленно

⁶ Наука, М.: 1999. – Прим. ред.

жить в отсутствие Бога. И все без исключения писали о тревоге и ощущении перегруженности выбором – о чувстве, которое все более нарастает в относительно благополучных частях мира XIX века – даже в то время, как реальный выбор для некоторых из нас угрожающе сужается. Их волновали страдания, неравенство и эксплуатация, и они задавались вопросами о том, что можно сделать с этим злом. В рамках всех этих вопросов они интересовались, что могут сделать отдельные люди и предложить сами философы.

Они также спрашивали, что такое человек, учитывая возросшее за последнее столетие понимание физиологии мозга и химии тела. Если мы находимся в зависимости от наших нейронов и гормонов, о какой свободе идет речь? Что отличает человека от других животных? Является ли это лишь разницей в уровне интеллекта или же существует и качественное отличие? Как нам стоит о себе думать?

И прежде всего они задавались вопросами свободы, которую некоторые из них считали темой, стоящей во главе всех остальных, и интерпретировали свободу как лично, так и политически. В годы после заката экзистенциализма эта тема исчезла из поля зрения в некоторых частях света – может быть, потому, что великие освободительные движения 1950-х и 1960-х годов добились весьма многого в деле развития гражданских прав, деколонизации, женского равноправия и прав меньшинств. Казалось, что эти кампании добились желаемого и говорить о политике свободы уже не имеет особого смысла. В интервью 1999 года французский ученый Мишель Конта вспоминал Сартра 1960-х годов как человека, который дал ему и его поколению «чувство свободы, направлявшее нашу жизнь», но тут же добавил, что эта тема уже давно не актуальна.

Однако на момент написания этой книги прошло уже шестнадцать лет с того интервью, и свобода снова в центре внимания. Мы обнаружили, что за нами пристально наблюдают, нашими предпочтениями – управляют, что наши личные данные используются порой непонятно кем, что нас пичкают потребительскими товарами, отказывая в праве голоса или влияющего на этот мир действия, и регулярно напоминая, что расовые, сексуальные, религиозные и идеологические конфликты вовсе не ушли в прошлое. Возможно, мы снова созрели для того, чтобы говорить о свободе – а говорить о ней в политическом плане означает говорить о ней и в собственной жизни.

Вот почему, читая рассуждения Сартра о свободе, де Бовуар – о скрытых механизмах угнетения, Кьеркегора – о тревоге, Камю – о бунте, Хайдеггера – о технологии или Мерло-Понти – о когнитивных науках, иногда кажется, что читаешь сегодняшние новости. Их философия по-прежнему интересна не потому, что она правильная или неправильная, а потому, что она напрямую касается жизни, и потому, что берется за два самых больших человеческих вопроса: что мы есть и что мы должны делать.

Задавая эти два вопроса, большая часть экзистенциалистов – хотя и не все – опирались на собственный жизненный опыт. Но сам этот опыт был структурирован вокруг философии. Морис Мерло-Понти описал эту связь так: «Жизнь становится идеями, идеи возвращаются в жизнь». Эта связь становилась особенно очевидной, когда они обсуждали свои идеи друг с другом, а делали они это часто. Как писал Мерло-Понти:

«Дискуссия – это не обмен или противостояние идей, как если бы каждый сформировал свои собственные, показал их другим, посмотрел на них и вернулся, чтобы исправить их своими собственными... Говорит ли человек громко или едва слышно, каждый говорит сразу всем, что он есть, своими «идеями», но также своими страстями, своими тайнами».

Философские беседы между мыслителями, отдававшими своей работе так много сил, нередко становились эмоциональными, а подчас и откровенно конфликтными. Их интеллектуальные баталии образуют длинную цепь антагонизма, пронизывающую историю экзистенци-

ализма от начала до конца. В Германии Мартин Хайдеггер выступил против своего бывшего наставника Эдмунда Гуссерля, позже друзья и коллеги отвернулись от самого Хайдеггера. Во Франции Габриэль Марсель напал на Жан-Поля Сартра, Сартр рассорился с Альбером Камю, Камю рассорился с Мерло-Понти, Мерло-Понти рассорился с Сартром, а венгерский интеллектуал Артур Кестлер рассорился сразу со всеми, да еще и ударил как-то раз Камю прямо на улице. Когда философские гиганты Европы Сартр и Хайдеггер наконец встретились в 1953 году, встреча прошла скверно, и впоследствии они отзывались друг о друге с издевкой.

Однако в иных случаях отношения, напротив, были необычайно близкими. Самый яркий пример – это отношения между Сартром и де Бовуар, которые читали работы друг друга и обсуждали свои идеи почти каждый день. Де Бовуар и Мерло-Понти также дружили с подросткового возраста, а Сартр и де Бовуар при первой встрече с Камю были им очарованы.

Если дружба рушилась, то, как правило, из-за идей – чаще всего политических. Экзистенциалисты жили во времена крайних идеологий и крайних страданий, и они становились участниками событий в мире, хотели того или нет – хотя обычно хотели. Поэтому история экзистенциализма так крепко вплетена в историю и политику Европы: в каком-то смысле это история европейского XX века. Феноменология неспроста появилась на заре Первой мировой войны. Философия Хайдеггера возникла из беспокойной ситуации в межвоенной Германии. Когда Сартр в 1933 году поехал в Берлин, он всюду видел нацистские марши и знамена, и вызванная этим окружением тревога нашла отражение в его творчестве. Его экзистенциализм, как и экзистенциализм де Бовуар, созрел во время Второй мировой войны, когда Франция прошла через поражение и оккупацию, а затем его паруса наполнились смелыми послевоенными настроениями. Экзистенциалистские идеи влились в ширящийся поток неконформизма 1950-х годов, а оттуда – в полноценный идеализм конца 1960-х годов. Все это время экзистенциалисты меняли свое видение мира по мере того, как менялся мир; смена взглядов делала их хоть и не самыми последовательными, но весьма интересными философами – даже с учетом того, что она не всегда вела их в правильном направлении.

Если кратко, экзистенциалисты «насеяли» свои исторические и личные миры так же, как они насеяли свои идеи. Это понятие «населенной философии» я позаимствовала у английской писательницы и философа Айрис Мердок, которая написала первую полноценную книгу о Сартре и была одной из первых последовательниц экзистенциализма (хотя позже от него отошла). Она отметила, что мы не должны ожидать от философов-моралистов жизни в рамках собственных идей, словно в своде правил. Но мы можем ожидать, что они покажут личным примером, как их идеи воплощаются в жизнь. Мы должны иметь возможность заглянуть, так сказать, в окна философии и посмотреть, как живут придерживающиеся ее люди, как они там двигаются и как себя ведут.

Девизы Мерло-Понти о «прожитых идеях» и «населенной философии» Айрис Мердок, а также причудливое повторение собственного прошлого опыта вдохновили меня рассмотреть историю экзистенциализма и феноменологии через сочетание философского и биографического. Мой интерес к этому подпитывается и тем, что такое сочетание вообще характерно для многих из экзистенциалистов (хотя Хайдеггер его отверг). Мне кажется, философия становится интереснее, когда она предстает в форме жизни. Аналогично я думаю, что личный опыт становится интереснее, когда о нем размышляют философски.

Это будет рассказ о XX веке, поэтому я коснусь протоэкзистенциалистов Ницше и Кьеркегора совсем немного. Я также бегло расскажу о теологических экзистенциалистах и экзистенциальных психотерапевтах: их идеи увлекательны, но им стоит посвятить отдельные книги. С другой стороны, такие люди, как Айрис Мердок, английский «новый экзистенциалист» Колин Уилсон, вовлеченный Норман Мейлер со своей «Экзистенциалистской партией», а также повлиявший на экзистенциализм писатель Ричард Райт, пройдя разными путями, встречаются на страницах этой книги. Кто-то здесь лишь потому, что сыграл заметную роль в жизни

других: философ-этик Эммануэль Левинас, отважный спаситель рукописей Герман Лео Ван Бреда, бросивший вызов режиму своей страны и погибший за это чешский феноменолог Ян Патоčka.

Двумя крупнейшими героями этой истории неизбежно являются Хайдеггер и Сартр – но читавшие «Бытие и время» или «Бытие и ничто» могут удивиться, обнаружив, что эти шедевры нарезаны тут на кусочки и перемешаны, как шоколадные крошки в печенье, а не рассмотрены целиком. Французу и немцу, безусловно, есть что сказать, но их идеи – не единственное, чем примечателен экзистенциализм.

Эти философы, вместе с Симоной де Бовуар, Эдмундом Гуссерлем, Карлом Ясперсом, Альбером Камю, Морисом Мерло-Понти и другими, представляются мне участниками многоязычной, многосторонней беседы, которая непрерывно велась с начала прошлого века и до его конца. Многие из них никогда не виделись. Тем не менее мне нравится представлять их в большом, оживленном умозрительном кафе, вероятно, парижском, полном жизни и движения, шумном от разговоров и рассуждений и определенно никогда не пустующем.

Заглядывая через панорамное окно нашего кафе, первые, кого вы видите, – увлеченные горячим спором фигуры с трубками в руках. Вы слышите звон бокалов и чашек; между столиками снуют официанты. Вот большая компания: худощавый парень и изящная женщина в тюрбане пьют со своими молодыми друзьями. Сзади за более тихими столиками сидят еще несколько человек. Несколько человек на танцполе; возможно, кто-нибудь пишет в отдельной комнате наверху. Где-то раздаются гневные голоса, но в тени слышен и шепот влюбленных.

Мы можем войти и занять место: возможно, в передней, возможно, в неприметном уголке. Вокруг столько всего происходит, что непонятно, куда и смотреть.

А теперь, пока не пришел официант...

Что же такое экзистенциализм?

Не все книги об экзистенциализме пытаются найти ответ на этот вопрос, поскольку его трудно однозначно определить. Ключевые мыслители так сильно расходились во мнениях, что, как ни старайтесь, обязательно кого-то исказите или вычеркнете. Более того, кто был экзистенциалистом, а кто нет – тоже не совсем ясно. Одними из немногих, кто принял этот ярлык, были Сартр и де Бовуар, и даже они поначалу относились к нему с недоверием. Другие его, порой справедливо, отвергали. Кто-то из основных мыслителей этой книги был феноменологом, но не экзистенциалистом (Гуссерль, Мерло-Понти), или экзистенциалистом, но не феноменологом (Кьеркегор); кое-кто не был ни тем, ни другим (Камю), а кто-то был или тем, или другим, но потом передумал (Левинас).

В любом случае, вот моя попытка дать определение того, чем же занимаются экзистенциалисты. Я помещаю его здесь для ознакомления, но вы, пожалуй, пропустите его и вернитесь к нему, если возникнет необходимость или желание.

– Экзистенциалисты занимаются вопросами личного, настоящего человеческого существования.

– Они считают, что человеческое существование отличается от того бытия, которым обладает все остальное. Другие сущности являются тем, что они есть, но, как человек, я являюсь тем, что творю из себя в каждый момент времени. *Я свободен* —

– и поэтому я *отвечаю* за все свои действия, – ошеломляющий факт, вызывающий

– неотделимую от самого человеческого бытия *тревогу*.

– С другой стороны, свободен я не более чем в рамках конкретной ситуации, которые могут включать факторы моей физиологии и психологии, а также физические, исторические и социальные условия того мира, в который я был брошен.

– Я всегда хочу большего, несмотря на ограничения, и потому я постоянно увлеченно чем-то занимаюсь.

– Таким образом, человеческое существование двойственно: оно одновременно сковано границами и в то же время трансцендентно и захватывающе.

– Экзистенциалист-феноменолог не даст простых правил для работы с этим состоянием, концентрируясь вместо этого на описании прожитого опыта, такого как он есть.

– Тщательно описывая жизненный опыт, философ надеется лучше понять это существование, чтобы открыть нам способы прожить жизнь по-настоящему.

Итак, давайте вернемся в 1933 год – в тот момент, когда Сартр отправился в Германию познакомиться с новыми философами, которые призывали его обратить внимание на коктейль на столе и на все остальное в жизни – то есть назад, к самим вещам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.